

Стихотворения автора

Алла Бочкор

Посвящается 25-летию Независимости Казахстана

Четверть века независима страна,
К новым горизонтам смелым шагом,
Вдохновенно движется она,
Под небесно-золочёным флагом.

Берегут сыны земли казахской
Рубежи степей своих родных,
Где легендой и восточной сказкой
Веет из долин и с гор седых.

Предано несут здесь парни службу,
Крепят наш единый шанырак,
Берегут сплочённость, мир и дружбу,
Чтоб источник блага не иссяк.

Кто пришёл с добром — открыты двери,
Гостя ждёт почёт и дастархан,
Ведь особой меркой нужно мерить
Многоликий, стоязычный Казахстан.

Труден суверенный путь державы -
Той бескрайней, вековой земли,
По дороге горестей и славы
Казахстанцы к верной цели шли.

Дней суровых прожито немало,
Только нет на свете таких бед,
Где бы братство их не побеждало,
Солидарность, ладность и совет.

Мы горды своим целинным краем,
Нет роднее, ближе той красы.
Светлый путь мы вместе выбираем
С мудрым кормчим – нашим Елбасы.

Поэтессе Фаризе Онгарсыновой посвящается

В стихах её - твёрдость скалы
И нежность, как у весны,
Слова восхвалений малы,
Уместней почёт тишины.

Я взвешу все «против» и «за»,
Познав суть её стихов,
Взметнётся мысль: «Фариза -
Она - мастерица слов!».

Огонь поэтических строк
Зажжет искры многих сердец,
Даст жизненно важный урок
И женщина, и мудрец.

Читая, ты с ней заодно,
Ты будешь любить и страдать,
Ценить то, что свыше дано,
Чтоб Родине душу отдать.

Эмоций своих не жалея,
Свобода и гордость - «на бис»,
Читай и следуй за ней,
Как саки за Томирис.

Войди в её светлый мир,
Где фальши маска падёт.
Стань духом силён, как батыр,
Как истинный патриот.

Почувствуй величие строк,
Что создал её карандаш,
Гордись, мусульманский Восток,
Рождённой в ауле Манаш.

Пусть в трудный и в радостный час
Звучит её глас над страной,
Гордись, что жила среди нас
Звезда, что зовут Фаризой.

Целина

Неподвижен был тысячи лет
Белый бархат ковыльных степей,
Но однажды суровый рассвет
Вывел в степи «стальных лошадей».
Режут плугом они без труда

Вековые пласты земли —
Здесь пройдёт не одна борозда,
Чтоб пшеничные реки текли.
Чтоб в июльский полуденный зной
Спелый колос налился зерном,
И поднялся с большой целиной
Край родной и родительский дом.
Есть на карте десятки стран,
Где на тысячи вёрст поля,
Только хлебным зовут Казахстан —
Тем и славится наша земля.
Сев весенний иль жатвы страда, —
Всё под мирным небом пройдёт,
Здесь построил свои города
Казахстанский дружный народ.
Кто-то скажет, не вникнув в суть:
«Тьму ошибок прошла страна,
Тех свершений – не лёгок путь,
Не нужна нам была целина!».
Только мужество дедов, отцов
Ты в истории не умаляй,
Перевесят на чаше весов
Подвиг их, золотой каравай.

Город юности

(к 190-летию города Кокшетау, 2014 год)

Город юности мой,
Словно к другу, спешу к тебе снова.
Сердце шепчет: постой,
Подари ему добрых три слова.
Оглянись, посмотри,
Окунись в эти улочки, сопки,
Желтоглазые фонари,
Вспомни центра кипучие пробки.

Карусели, мосты
И бульвары... ну, чем не Европа?
Вижу я с высоты,
Нежно обнял ты озеро Копа.
Под вечерней звездой
Кокшетау - родной и красивый,
Вновь встречаясь с тобой,
Вспомню юных годов миг счастливый.

Дни студенческих грёз,
Время светлой любви и мечтаний...
С нами ввысь ты возрос

Куполами мечети и зданий.
Сделай шире размах,
Чем простор самого океана,
Будь у всех на устах,
На виду у всего Казахстана.

Не далёк листопад, —
Летний город жив в памяти вечно.
Он не золотом богат,
А теплом и приёмом сердечным.
Утону в зеркалах,
Затеряюсь я в ярких витринах,
Верю, в добрых руках,
Город мой, как любимый мужчина.
Никогда не предаст,
Проведёт через жизни трясину,
И простившись не раз,
Невозможно забыть и покинуть.

Зимняя прогулка

Вечер зябкий и морозный,
Месяц слабый и худой,
Час уже довольно поздний
Для прогулок в выходной.
Ветер стих, и, слава Богу, —
Тишина и благодать.
Одеваюсь, и в дорогу:
Звёзды в небе наблюдать.
Там за полем луч заката
В цепких лапах темноты,
Бьётся с доблестью солдата,
Но, старания пусты.
По тропинке, так короче,
Приближаюсь я к реке,
Млечный путь всё ближе, чётче,
Звёздный «ковш» почти в руке.
Месяц, светлую лампадкой,
Разливает мягкий свет,
На душе вдруг стало сладко,
Как от торта и конфет.
Снег скрипит, трещат былинки,
Я спешу: «Ещё чуть-чуть!»,
Чтоб у матушки Чаглинки
Вдохновенья зачерпнуть.
Чтоб видения и звуки,
С неба стройной чередой,

Опускались прямо в руки,
И, в тетрадь живой строкой.

Несётся «Газель» по сибирским просторам,
Волной золотистой играют поля,
Нахмурились ели, и будто с укором,
Взирают на тех, что в лицо им пылят.

Зачем так спешить, озабоченный путник?
В берёзовой роще – отличный привал.
Вдохни запах леса, сорви нежный лютик,
И вслушайся в птичий залиvistый гвалт.

Взгляни, как молочный туман на озёрах
Пронзает крылами смешной пеликан,
Стрижи завозились в бесчисленных норах,
И чистит журавль свой серый кафтан.

Поляны горят земляникой румяной,
Лягушки в засаде на злых комаров,
Сиреневый призрак горы безымянной,
Манит, обещая дать пищу и кров...

Вся жизнь – суета. Есть дела поважнее,
Нет времени, чтоб оглядеться вокруг.
Догнать птицу счастья, быть может, сумеешь,
Но вот удержать – мало ловкости рук.

А счастье ведь рядом, оно на ладони,
Росой предрассветной, сверкая, лежит,
Прохладную тень в зной на плечи уронит,
Водой родниковой усталых взбодрит.

Оно улыбается солнечным летом,
И кутает в тёплую снежную шаль,
В капусте оно, за околицей, где-то,
Чуть тоньше травинки, но крепче чем сталь.

Прогулка по селу Большой Изюм

Опять разгул степного ветра,
Ночного неба взор угрюм,
Мой путь – всего три километра,
И пять назад, таков Изюм!

Зажжёт Всевышний звёзды-свечки,
Раскрутит зонт цветастых снов,

И вновь зелёный омут речки
Поманит сельских рыбаков.

Взметнётся хвост зубастой щуки,
Вдруг разволнуется камыш,
То всплеск, то шорохи, то звуки,
Чаглинка, ты опять не спишь?

Тревожит сон авто летящий,
По трассе мчит ночной лихач.
Он в Кокшетау – мир манящий,
Спешит, так весел и горяч.

И будит изюмчанок сонных
Гул поездов: «Спешу, спешу!»,
Как эхо, стук колёс вагонных -
Идут составы в Тайыншу.

Вот желтоглазые окошки,
Мигнув, потухнут. Все уснут.
В посадках совы, в хатах кошки
Привычный караул несут.

Вдали, во мраке тайн извечных,
В святом затишье старый храм,
На страже грешных иль беспечных
Он служит небесам и нам.

Пройду я разных троп не мало,
Вот та – к Чаглинке, та – в Карьер,
Здесь детство где-то заплутало,
Ещё с времён СССР.

Я по пескам пройду балластным,
В оазис Флоры – в наш «Забой»,
Здесь всё мне кажется прекрасным,
И каждый холмик здесь родной.

Деревьев и цветов обитель,
Лиса шмыгнёт, взметнётся гусь,
Между осин я, как смотритель,
Дозором в выходной пройдусь.

Грибы в кошёлке и букеты
С прогулки бережно несу.
Вздохну, что ценят лишь поэты
Природы яркую красу.

И на высокий мост ступая,
Как на почётный пьедестал,
Взмахну руками: «Ширь такая,
Какой доселе не видал!».

За горизонт бегут дороги,
Пронзая солнечный простор,
Ах, если б крылья, а не ноги...
Лететь, лететь до самых гор!

И мыслям – быстроты и силы,
Восторги в строки обратить,
Воспеть красу раздолий милых,
Тепло души всем раздарить!

Вернусь домой уже под вечер,
Вот смоляной завод дымит,
Вот дом отцовский, недалече...
И с грустью сердце защежит.

Уеду ль по местам далёким
За идеалом, за мечтой,
Печальным, тихим, одиноким
Вдруг станет уголок родной.

Хоть нет пристанища поэту,
Но здесь – начало всех начал,
Росток души тянулся к свету,
И жизни первый день встречал.

Мы на севере живём...

Замерзаем, замерзаем,
С каждым днём всё холодней,
Но считаем милым раем
Край, промёрзший «до костей».
Казахстанский крайний север
Нашу Родину зовут,
Здесь ветра в извечном гневе,
С вьюгой злобно кровли рвут.
Здесь мороз – лихой разбойник
Трубы, печи студит в лёд.
Заплутал в степи – покойник,
МЧС уж не найдёт.
Здесь сугробы-исполины
Вырастают на пути,
Через снежные перины
Не проехать, не пройти!

Мы готовим спозаранку
Свой бессменный гардероб -
Шубу, валенки, ушанку...
Всё равно проймёт озноб!
Коль надел ты летом майку,
В огород зашёл на час,
Приготовь штаны, фуфайку
И перчатки – в самый раз.
Смело мы в буран шагаем
На работу с утраца,
Там зальём горячим чаем
Дрожь коленей, синь лица.
И крещенские морозы
Северянам нипочём.
Что нам медиков угрозы? –
Храбро в прорубь мы нырнём.
Минус тридцать, минус сорок,
А мы - в гости верст за сто!
После бурных отговорок -
В путь, как капитан Кусто.
По безмолвию седому
«Жигули» наш - снегоход,
Мчит, гремит подобно грому
Средь полей, вперёд, вперёд.
Широта земель целинных,
Прелесть свежести степной,
Путь свободный, светлый, длинный
Впереди и за тобой.
Магнитолы гул угрюмый,
И домбры протяжный звон...
Философские вдруг думы
Разум твой берут в полон.
Вновь полярного сиянья
В индевелых окнах блик,
И мечта – сквозь расстоянья
Юг увидеть, хоть на миг!
Но лишь стоит удалиться
К пальмам, соснам, на моря,
Северянам дом приснится
Средь берёз и ковыля.

Память старины

Старые домики сельских окраин
В клёнах роскошных почти не видны,
В каждом живёт добродушный хозяин —
Ветхий свидетель и страж старины.

Синь приземлённых весёлых окошек,

Дворик с колодцем, смородин кусты,
Крик петуха и мяуканье кошек —
Отзвуки детства милы и чисты.

Крытая лавка в цветную полоску,
И на крыльце коврик — вязанный круг,
Скроют неровность, скрипучую доску,
Но не уменье заботливых рук.

Рук, что при тусклой слепой керосинке
Вышили то, что рисуют мечты:
Ниточку к нитке, крупинку к крупинке-
Ожили ситцы, шелка и холсты.

Розы, павлины на поле простынном,
Прошвы затейливой вьётся узор,
Яркий рушник над комодом старинным —
Западным веяньям наперекор.

Глечик, макитра, корыто и миска,
Служит ещё деревянный сундук...
К средневековой была я так близко,
На расстоянье протянутых рук.

Где же то время, что глину месили
В яме с соломой, для мазанья хат?
И на рассвете те хатки белили,
С песнями, стайки проворных девчат.

Где это время — мне точно известно:
В домиках старых, в траве по колено,
И, среди развалин... А здесь, если честно,
Рифмы рождаются так вдохновенно.

«Прошлая жизнь...», — часто слышатся вздохи.
Томятся вещи в чуланной пыли,
Как молчаливые дети эпохи.
Вот если б вновь они жизнь обрели!

Пусть хоть в музеях... Компьютерный гений,
Предприниматель и школьник-юнец
Взглянут на прошлое всех поколений,
Знают пусть то, чем жил дед и отец!

Примечание:

Глечик, макитра - глиняная посуда (укр.)

Рождество

Стою я в церкви полутёмной,
Под Рождество, в святую ночь,
Потуплен взор, оделась скромно,
Из дум всё суетное – прочь.

Хоругви, клирос, вокруг иконы,
Дымок от ладана и свеч,
Знаменья крестные, поклоны,
Звучит молитвенная речь.

«Помилуй Бог нас в мире грешном», –
Взывает певчих звонкий глас»...
Стою в платочке белоснежном,
И слёзы капают из глаз.

Икон расплывчатые лики,
Хочу увидеть, – тщетный труд,
Лампад танцующие блики
Меня опять в мечты влекут.

В них образ есть один заветный,
Навеян зимнею тоской,
Быть может, это плод запретный,
Каприз мой детский и пустой.

Но соберу остатки воли,
Ночную службу отстою...
Жизнь без потерь, без слёз и боли,
Бывает только лишь в раю.

Ну, вот и утро, запах хвойный,
Елейный стойкий аромат,
Хор милых ангелочков стройный –
Мальчишек сельских и девчат.

Звезда с небес на ель садится –
Знак не простого волшебства,
Спешат Младенцу поклониться
Пришедшие, в день Рождества!

День радости! Печали спрячу,
Друзей поздравлю и родных,
Им посулю любовь, удачу,
Всех благ небесных и земных.

Себе ж – чернил и перьев связки,
Билет на пароход-экспресс,

И южных странствий, как из сказки –
Таков мой вечный интерес.

Ах, эти Святки – две недели! –
Пора щедривок и коляд.
Вертеп, крещенские купели,
Весёлых ряженных парад.

Пора таинственных гаданий,
Явлений гоголевских всплеск,
Примет, фантазий и желаний,
И добрых, солнечных чудес.

Что предначертано? Кто знает?
Но, прочь сомненья в торжество,
Мир христианский вновь встречает
Своё святое Рождество!

Майский вечер

Грустный вечер, в запахе сирени
Улочек заманчивая глушь,
Тихий рай – обитель сожалений,
Пристань для измаявшихся душ.
Где-то здесь, на лавочке заветной,
Под избушкой ветхой у реки,
О любви печалась безответной,
Думала, о чём поют сверчки.
Тонет день в реке, уже темнеет,
Лавочка давно полным-полна,
Гитарист наш струны не жалеет
Для друзей, весёлых от вина.
Я ему тихонько подпевала,
Теребила хмелевый листок...
Знал ли паренёк, о ком вздыхала,
Или ему было невдомёк?
Пахнет испеченная картошка,
Костерок потух, а он поёт,
Лунная мне чудится дорожка
В зеркале уснувших, тёмных вод.
Вот и рассвело, домой бы надо,
Свежий ветер тронул лопухи,
Мимо нас идёт коровье стадо,
Щёлкают кнутами пастухи.
Рыбаки собрали свои снасти –
Хватит, покормили комаров...
Если бы ты вечным было, счастье,
Милых деревенских вечеров.

Если б гитаристу я приснилась,
Если б я смелей тогда была,
Если б эта жизнь не торопилась,
Словно заведённая юла...
Этот майский вечер сердце точит
И зовет опять к тому костру...
Гитариста нет уж, между прочим,
Лишь туманный образ поутру.

Разложила краски Ночь...

Разложила краски Ночь,
Как художница, точь-в-точь,
Кисти тонкие, мольберт,
Смотрит важно, как эксперт.
Холст небесный оглядела,
Видит: даль порозовела.
Черный, сажевый взяла...
Красит-мажет... ну дела!

Уж пол неба не видать,
Тучи, словно вражья рать,
Открывают новый фронт,
В бой идут на горизонт.
Так дойдут и до зари...
–Желтый, красный набери!,-
Я кричу, а толку нет,
Лишь молчание в ответ.

– Или... розовый, лиловый...
Что за мастер бестолковый?
Ночь, вдруг грозно так взглянула,
Будто молнии метнула.
Краски рукавом сметая,
Хочет видеть: кто такая?
Как посмела, как смогла? –
Не дает ночная мгла!

Я ж – не робкого десятка,
И на черный цвет не падка,
Подобрав без лишних слов
Банки радужных тонов,
Размахнулась я, и вот,
Зашвырнула в небосвод!
Расплескались, растеклись,
Тьма ночная, расступись!

Небо, что в цветах сирень,
Как в весенний яркий день.
Тучи в дымке сбились в стаю,
В них – оранжевый бросаю!
В небе – цитрусовый сок,
Загорелся весь восток.

Был он мрачным, ультрасиним,
А теперь там – апельсины,
И, клубничная река –
Залила все облака.
Ночь застыла в удивленье:
Это что за представленье?
Хоть палитра и не та,
Получилась кра-со-та.
Стиль, конечно, ещё тот,
Но стал чудным небосвод!

С Ночью я с тех пор дружу,
Дружбой с нею дорожу.
Как уснут все петухи,
Она шепчет мне стихи,
То статейку, то рассказ...
Но, всегда в полночный час.
Скажет то, что и не снится,
Ох, на сказки – мастерица!

Да, не зря я с ней дружу...
И, пером вожу, вожу...
А в чернильнице моей –
Темень ста земных ночей,
В ней чернил – на целый год,
Чуть иссякнут, Ночь дольёт.
Краски ей уж надоели -
Небеса повеселели!

Так и пишем мы вдвоем -
О чудесном и земном!

Дума солдата

Война. Он завтра дом покинет,
Детишек трое на печи,
Он из кармана не гостинец,
От дома выложил ключи.
Потрогал ржи неспелый колос,
Подпёр скосившийся плетень,
И, не узнав свой хриплый голос,

Мать обнял – сгорбленную тень.
Как жизнь крестьянская сурова,
И ту хотят отнять враги.
Жене сказал всего три слова:
-Мария, деток береги!
Он взял водицы на дорожку,
Табак, да карточку семьи,
И заложив в футляр гармошку,
Подумал: там идут бои,
Там можно сгинуть, похоронки
Угрюмо носит сельсовет.
Представил: враг в родной сторонке,
И вслух вдруг выкрикнулось: Нет!
Я сохраню жизнь нашим детям,
Врагов нещадно буду бить,
Клянусь стране, потомкам, предкам
Фашистских гадов раздавить.
На танке или же в пехоте
Сложу я голову свою,
О дне Победы вы споёте,
Здесь, под гармонику мою.
В слезах родни день быстро минул,
Был краткий миг - ушёл навек,
Чтоб встретить смерть, свой край покинул
Влюблённый в жизнь человек.
Что драгоценнее свободы
И мира на просторах милых?
Погиб он. Целые народы
Восьмой десяток спят в могилах.

Город мёртвых

В городе мёртвых печально и пусто,
Серость надгробий в цветах.
Луч на закате мерцает, так грустно,
В новых железных крестах.
Лето ли, осень, зима ль на погосте,
Нет здесь обычных хлопот,
Только по праздникам редкие гости,
Если судьба занесёт.
Правят и красят, венцом убирают,
Горькую пьют и вино,
В царстве Аида и их поджидают,
Тот ли, другой - всё равно.
В царстве аидовом - праведный, грешный,
Может быть рядом сидят,
Судят наш мир за беседой неспешной,

Может быть он – это ад.
Здесь, на земле, всем страданья отмерены,
После ждёт вечный покой,
Выдуман рай - были раньше уверенны,
Тот или может другой.
Выдуман ад,- шепчут нынче любители
Жизненных благ и прикрас...
Вы здесь придуманы, глупые зрители,
Ставится пьеса о вас.
Где-то в глубинах туманно-заоблачных
Кроется сам Режиссёр,
Пишет он судьбы героев, им созданных,
Перья остры, как топор.
Дивится сам образцам гениальности:
Надо же! Солнца светлей!
Только есть правило нашей реальности -
Долго живёт лишь злодей.
Созданный спешно в земных перипетиях,
Он - не ошибка Творца,
Он лишь участник в известных событиях,
Тип подставного лица.
Он есть расплата, орудие в битве
За торжество доброты,
За покаяние в тихой молитве
Без обещаний пустых.
Что же наш Мастер, шедевры создавший,
Хочет их вновь лицезреть?
Да и певец в спорах с вами уставший,
В силах лишь ангелам петь...
В городе мёртвых - дома деревянные,
Скудость, лишь мраморный кров,
Снова шалют здесь ветра окаянные...
Или то души жильцов?

Она не любила

Она не любила слезливых историй,
Страстей из бульварных романов.
Она вместо кофе пила цикорий,
Презрев поваров и гурманов.
Она по весне не сажала цветов -
В полях их растёт не мало,
Она не вязала носков и шарфов
Под шелест модных журналов.
Она избегала пространных бесед
О ценах на хлеб и конфеты,
На «Здрасьте» её не давали ответ,

Не веря в её приветы.
Она не искала родственных душ
Любви ли, общения ради,
Но струйкой стекала чёрная тушь
На белый просвет в тетради.
Средь книг утешенье находит она,
Где сабельный слышится звон,
Где пули свистят, где отвага важна,
Где доблесть и честь – закон.
В мечтах о героях, лихих атаманах,
Придуманный ждёт идеал.
Сны о морях, удивительных странах
Нашли в её сердце причал.
Но облако грёз расступилось однажды,
Шагнул ей на встречу он,
Такой не обычный, такой - не каждый,
И, кажется, что влюблён.
Она отдала ему сердце и царство
Над всем своим чудным «Я».
Узнала сполна, и любовь, и коварство,
Все горести бытия!
Она ни кому, никогда не поверит,
В мир книг возвратится вновь,
Но всё ещё ждёт, когда скрипнут двери,
Шагнёт на порог любовь.